

СТАС ПЬЕХА:

«У МЕНЯ ЗДОРОВЫЕ АМБИЦИИ»

– Вы всегда говорите, что не хотели быть артистом. Странно слышать такое из уст сына и внука людей из артистической семьи.

– Как раз потому, что я из династии артистов. Есть люди, которые

стремятся стать артистами, я же никогда не хотел им быть. Но я уже родился в популярной артистической семье. Причем артистки номер один в СССР. Я имею в виду Эдиту Пьеху. Вниманием зрите-

лей в детстве я не был обделен: фотосъемки, интервью, меня не раз выводили на сцену. Но мне все это не нравилось. Хотелось во двор, на крышу и в подвалы. Там меня ждали мои друзья. Я как-то решил для себя, что если в семье у нас певицами были лишь девушки – моя мама Илона и Эдита, то профессия эта, стало быть, не мужская. Мне хотелось чего-то более брутального, чтобы все говорили: вот, мужик в семье растет. Думал, буду военным или летчиком. Но поскольку стал раздолбаем и понял, что все остальное потеряно, вернулся к профессии артиста.

– Вы воспитывались в семье, где были одни женщины. Не чувствовали отсутствия мужского воспитания?

– Живя, скажем так, в женской семье, я стал лучше разбираться в них. Что касается мужского воспитания, то признаюсь вам, что у меня отсутствовало как таковое воспитание вообще. Мной ведь никто не занимался, и большую часть времени я был предоставлен самому себе. Те женщины, которые являлись моими родственницами, сколько помню, все время работали. Я рос дворовым пацаном. Меня воспитывала улица. Я сутками, неделями пропадал во дворах разных районов – Петроградки, Удельной, Купчино и т. д. А это были 90-е сумбурные годы. Многих из тех, с кем я в свое время общался, поубивали. Кто-то умер от передозировки наркотиков, кто-то свел счеты с жизнью сам. Я регулярно попадал в милицию, откуда меня вытаскивали мама и бабушка.

– Безотцовщиной обзывали?

– Нет. Знаете, когда у ребенка нет отца с малых лет, то он не чувствует и не знает, как это без него. С семи лет я рос без отца. Мне не с чем сравнить. Это то же самое, когда у меня спрашивают: «А каково вам было родиться в популярной семье?» Так я в другой-то и не жил.

Илона развелась с моим отцом, когда мне был годик. Потом у меня появился отчим. Вскоре у мамы и отчима родилась дочка. Я переехал жить к бабушке, когда мне исполнилось 7 лет.

– **Вы общаетесь с отцом?**

– Да.

– **Чувствуете родство?**

– С каждым разом я что-то такое родственное улавливаю в наших отношениях. Мы живем в абсолютно разных условиях и странах, и у нас с отцом абсолютно разный менталитет, но я чувствую, глядя на него, что мы с ним похожи по сути: оба творческие натуры, которые нужно направлять в правильное русло. Просто его когда-то не направили и не поддержали. Сейчас у него новая семья, но детей нет.

– **А вы не пытались воссоединить родителей?**

– Да ну! У мамы сейчас замечательные отношения с Женей уже 15 лет.

– **Читал ваши критические замечания в адрес мужчин, ревностно следящих за своей внешностью. Позвольте, но вы же сами были стилистом-парикмахером и наверняка немало времени уделяли уходу за собой?**

– Ну, я уделял внимание прежде всего внешности своих клиентов.

– **Ну, вы же как человек публичный должны выглядеть «на все сто»?**

– Тем более как человек публичный, с которого берут пример другие молодые люди. Если все мужики будут проводить по два часа перед зеркалом, делать педикюр-маникюр, пилинг, тогда, боже упаси, что начнется. Мы получим парадоксальную замену полов. Тогда женщинам останется накачивать мышцы, пить анаболики и защищаться. Именно как человеку публичному мне не дано право навязывать неправильные стереотипы. Дети и подростки всегда копируют манеры, стиль одежды и поведение своих кумиров.

– **Вы сказали, что влюбленным не нужно жить вместе, а познавать друг друга на расстоянии. Но сами ведь жили с девушкой какое-то время под одной крышей?**

– Да, жил, но это было 7 лет назад. Тогда я еще не говорил такого, а вот пожив, понял, что лучше порознь *(смеется)*. Я вообще не готов пока жениться.

– **А что вас смутило в совместной жизни, почему вы вынесли ей такой вердикт?**

– Если люди не объединены одной идеей и не делают одно большое дело, то тогда не стоит проживать вместе. Вот, скажем, моей матери и ее мужу, которые вместе монтируют фильмы, пишут сценарии, проще жить вместе, потому что они делают одно дело. А когда встречаются и влюбляются совершенно разные люди с разными интересами в жизни и у них начинается конфетно-медовый период, за ним неизбежно следует непонимание, влекущее за собой медленный, но верный разрыв. Кораблик любви разбивается о берега быта. Поэтому надо пережить такой период, далее посмотреть, как будет развиваться ситуация. Когда ты почувствуешь, что не мыслишь себя без другого человека, тогда можно жить вместе.

– **В своем поэтическом сборнике «Голые» вы назвали 95 стихов выстрадавшими в вашей нелегкой жизни. Она у вас, правда, нелегкая?**

– Несмотря на внешнее благополучие, я реально рос на улице и был предоставлен самому себе. Мне не нравилась артистическая жизнь с ее вечной суетой и чемоданным настроением. Я был другим: рос дворовым рокером, панком, в итоге стал рейвером.

– **А бывает такое, что ваше хулиганское прошлое прорывается наружу?**

– Мне хватает того, что у меня есть, потому что меня вывезли в Москву,

лишили всех моих прежних связей и круга общения, отобрали все телефоны и неприличные одежды, я окреп, самообразовался. Прочитал массу книг по психологии, обрел цели в жизни и бесконечно счастлив этим. Иногда мне не хватает того запала, но мои концерты, на которых я получаю необходимый драйв, компенсируют это ощущение. Я могу уловить настроение публики и веду

ее вплоть до окончания концерта. Я принимаю условия игры зрителей и где-то подыгрываю им. Это внешне я такой весь правильный, а на концертах даю волю чувствам и энергии, которую не всегда можно обуздать (*смеется*). Говорят ведь, что сцена – наркотик. Так вот, я подтверждаю это «на все сто». И потом в зале много красивых девушек, которые с вождением смотрят на тебя. Хочется понравиться каждой из них. Это рождает кураж. Еще я люблю машины, занимался картингом, летал на спортивных самолетах и делал высший пилотаж, крутил «петли» и «бочки». Эти ощущения придают смысл работе.

– Говорят, вы готовитесь стать владельцем клуба?

– Вместе с двумя друзьями я затеял организовать кафе-клуб «СССР». Это будет место встречи друзей. Мы с сестрой и ее молодым человеком заняты дизайном кафе. Хочу проводить там перформансы, творческие и танцевальные вечера. Решение открыть кафе я принял, потому что понимаю, что нужно иметь запасные пути на всякий случай. Не может быть постоянных концертов. Бывает так, что концертов много или их нет. То густо, то пусто.

– У вас нет страха и сомнений в том, что девушки любят в вас не парня Стаса, а певца Стаса Пьеху?

– Да мало кто из молодых любит певца Стаса Пьеху, потому что Москва предпочитает то, что модно сегодня и сейчас. А Стас Пьеха – это какой-то такой отдельный жанр, который не является ультрамодным.

– По-моему, вы, наоборот, очень даже модный исполнитель, типаж нового, зарождающегося интеллигентного эстрадного артиста.

– Я не звучу изо всех щелей. Дефицит информации и дозированная ротация в СМИ – это и есть гарант популярности. Главное, не перекармливать читателя и слушателя, что может вызвать отторжение.

Но все же ультрамодности во мне нет. Эта ниша забита до отказа, да я и не претендую попасть в нее.

– Вам легко с вашим продюсером?

– Легко. У нас полное взаимопонимание. Я адекватно воспринимаю свои возможности и сам хочу стать продюсером. У меня заканчивается контракт с Виктором Дробышем, и я уйду в свободное плавание, мечтаю иметь свою радиостанцию, влиять на вкус народа. При том, что я амбициозный человек, не переоцениваю себя. У меня здоровые амбиции.

Рамазан РАМАЗАНОВ

